

КОММУНИКАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Рецензия на книгу: Kirill Postoutenko (ed.), *Totalitarian Communication. Hierarchies, Codes and Messages*. Bielefeld, Transcript Verlag, 2010. S.316

COMMUNICATION IN SOCIETY

Book review on Kirill Postoutenko (ed.), *Totalitarian Communication. Hierarchies, Codes and Messages*. Bielefeld, Transcript Verlag, 2010. S.316

Ланин Б.А.

Главный научный сотрудник Института содержания и методов обучения РАО,
доктор филологических наук,
профессор

E-mail: borial2003@gmail.com

Lanin B.A.

Chief research scientist at the Institute for Content and Teaching
Methods (Russian Academy of Education),
Doctor of Philology,
Professor

Аннотация. Рассматривается недавно вышедшая в Германии коллективная монография под редакцией К. Постоутенко. Подробно анализируется включенная в монографию работа Ю. Мурашова. Автор выдвигает и подробно обосновывает идею о том, что социалистический реализм в литературе был основан на процветавшей в советском обществе 30-х годов радиофонии.

Annotation. A collective monograph compiled and edited by professor Kirill Postoutenko is reviewed in this article. A chapter written by Yuri Murashov is in focus. Murashov shows how the birth of Socialist Realism is linked to the radio and how its understanding can be based on a specific poetics of radiophonia.

Рецензируемая коллективная монография состоит из следующих разделов и глав: К. Постоутенко, «Пролегомена к изучению тоталитарной коммуникации» (с. 11-42), в разделе «Иерархии» – опубликованы работы Л. Эррен, «Сталинистское правление и его коммуникационные практики» (с. 43-66), Дж. К. Чалаби, «Публичная коммуникация в тоталитарном, авторитарном и этатистском режиме: сравнительный анализ» (С. 67-90), К. Постоутенко, «Перформанс и менеджмент политического лидерства в тоталитарном и демократическом обществах: Советский Союз, Германия и США в 1936 г.» (С. 91-124), в разделе «Коды» – Н. Балцер, «Дуче на улице: освещение фашизма» (С. 125-156), Д. Захарин, «Аудиомедиа на службе тоталитарного общества?» (С. 157-166), Ю. Мурашов, «Зарождение социалистического реализма из радиофонии: проект Максима Горького «Литературная учеба» (С. 177-96), в разделе «Мессиджи» опубликованы А. Ханиш-Вольфрам, «Тоталитарная пропаганда как дискурс: сравнительное рассмотрение Австрии и Франции во времена фашизма» (С. 197-216), В. Биндер, «Жестокость, коммуникация и воображение: Пре-модернистская, тоталитарная и либерально-демократическая пытка» (С. 217-248), Дж. Ричардсон, «Приманки фашизма? Экстремистская идеология в газете *Reality* перед Второй мировой войной» (С.249-274), в разделе «Пост-тоталитар-

ная коммуникация?» – И. Волф, «Нелегкая коммуникация в тоталитарном государстве: *Хизбут-Тахрир* в Кыргызстане» (С. 275-300), А. Лангенол. «Запоздалые мысли о «тоталитарной» коммуникации (С. 301-312).

Мы хотели бы остановиться на главе Ю. Мурашова, который заведует кафедрой славистики в университете Констанца. Он обращает внимание **на недооцененное педагогическое значение проекта М. Горького**. Оно заключается в том, что Горький активно редактировал рукописи молодых писателей. Казалось бы, кто этого не знал? Но дело не в факте, а в его интерпретации. Горьковская редакция была не только школой для молодых писателей и подмогой для журналов и издательств.

Сохранившиеся в рукописях различных писателей, горьковские поправки стали отличным источником для исследователей. Они демонстрируют горьковские подходы к языку художественных произведений, а главное – к языку, на котором в рамках социалистического реализма писатели должны были общаться с читателями.

Примером выбран роман забытого сегодня писателя М. Лузгина «Вор». Автор показывает, что редакция Горького была не идеологической, а стилистической. Главным для Горького оказывается сюжет, его динамика. Он зачеркивает слова о том, что герой «подумал», словно упоминание о рефлексии является враждебным для сюжета! Он добивается зримого текста, фактически подводит роман к стилистике киносценария. Даже короткие предложения оказываются лишними в этой коммуникации: например, Горький вычеркивает безобидное короткое предложение «Он понял, что в Воронеже проводит последние часы». Какая разница, что герой понял, а чего не понял никогда? Важно другое – как он поступил, и что он сделал. Все же **горьковская «педагогика» основывалась на активности редактора-ментора**. Он не только вычеркивал и сокращал, но и дописывал! Хранящиеся в РГАЛИ рукописи наглядно это доказывают.

Вообще, Ю. Мурашов замечает, что отношение к письму в первые годы советской власти было даже не амбивалентным – порой враждебным! Происходившая борьба за грамотность не была борьбой именно за письменную грамотность: достаточно было уметь читать и рассказывать! Письмо как процесс, как умение трактовалось в терминах классовой борьбы. Известно, что Сталин выстраивал свои иерархии в большинстве областей социальной жизни: этот – «главный» по авиации, тот – по литературе... Поначалу – и вплоть до сталинского разгрома в работе «Марксизм и вопросы языкознания» – главным по лингвистике был академик Николай Марр. Он писал в 1936 году: «Письмо – старый враг... и злой соперник до наших дней в науке о языке... Было время, когда письмо и вообще письменность заслоняло (sic!) язык. Живая речь выходила из орбиты исследовательского внимания, захваченного целиком интересом к письменному языку».

Разве не вывернутым наизнанку «марризмом» оказывается знаменитая фраза Дерриды «Всякое письмо тоталитарно»? Приводя цитату из Марра, Мурашов комментирует: «В то же время в советской культуре конца 20-х – начала 30-х годов литература становится основой, на которой возник новый советский модус коммуникации, парадоксально ориентированный на устную речь. Эта конструкция соединяла литературную продукцию и ее восприятие массами посредством радио» (С.180).

Столь важная страница культуры XX века остается неизученной. Две цитаты, приводимые автором, доказывают важность ее подробного исследования. Мы упускаем из виду общественные эмоции, говоря о социальной педагогике прошлого. Борьба с неграмотностью у нас ассоциируется со скандированием «мы-не-ра-бы-ра-бы-не-мы», а ведь задумка была гораздо масштабнее. В редакторской передовице журнала «Говорит СССР» в 1934 году провозглашалось: «Съезд советских писателей во всю глубину и ширь поставил вопрос о творчестве для миллионов, о продукции высокого мастерства, больших идей, большого искусства, большой простоты. Выступая со своими произведениями на радио, писатели осуществляют основной принцип социалистического реализма – творчество для масс».

Скептически настроенный читатель скажет: «Подумаешь, передовица отраслевого журнала! Много ли она значит?» Чтобы сразу же отвести подобные возражения, автор приводит цитату из Мариэтты Шагинян. В 1934 году, еще до разысканий в области ленинской родословной, публикация которых вынудила власть попросту заткнуть писательницу, она была весьма популярным автором.

Достаточно вспомнить ее поистине массовый роман «Месс-Менд», очень скоро после выхода в свет экранизированного. Так вот, Шагинян, всегда чуждая дипломатичности, категорично заявляла: «Нам, писателям, нужно научиться общению не только через написанное, но и через произнесенное слово. Когда я говорю перед микрофоном, у меня острое ощущение связи с миллионами людей, и я направляю слово в пространство с чувством реального, ответственного прицела. В этом огромное значение работы писателя для радио».

В отличие от авангардных поэтов, которые ориентировались исключительно – даже в письменной и визуальной культуре – на устное и иное звучащее слово, социалистический реализм означал *par excellence* письменный проект, имитировавший устное рассказывание до такой степени, что следы дискурсивного генезиса текста исчезали! Мурашов утверждает, что «с этой точки зрения социалистический реализм, характеризовавшийся ключевыми терминами «массовость», «народность», «понятность», «партийность», «типизация», «положительный герой» может быть охарактеризован как *поэтика радиодиффузии*» (С. 181).

Еще Платон писал о «смысловой недостоверности разговоров». По мнению автора, советский проект был попыткой технологически преодолеть эту философскую «недостоверность», столкнуть писателя с миллионами читателей, преобразив коммуникацию в радиодиффузионную. Она, в свою очередь, неожиданно оказывается коммуникационной основой горьковской редакции! Парадоксальная поначалу, но убедительная в своей основе, работа Ю. Мурашова нам представляется обязательным чтением и для преподавателей-историков, и для филологов.

Мы сосредоточились на одной работе, наиболее близкой актуальной преподавательской практике. Однако даже перечисление глав способно многое сказать о подлинно научной книге, удачно продуманной, собранной и профессионально отредактированной известным ученым-гуманитарием профессором Кириллом Постоутенко, работавшим в лучших университетах и исследовательских институтах мира: Париж, Вена, Грац, Нью-Йорк, Констанц и др. Его «Пролегомены о коммуникации» могут быть **исходной точкой для многих научных исследований в области коммуникативных аспектов педагогики и частных методик.**